

К ИСТОРИИ ТУЛЬСКОЙ ОРУЖЕЙНОЙ СЛОБОДЫ

В конце XVI в. Тула выдвинулась в ряд крупнейших промышленных центров. С этого именно времени «тульская железообрабатывающая промышленность быстро развивается и уже в 20-х годах XVII в. является ведущей в изготовлении русского огнестрельного оружия. Тульские кузнецы, вероятно, поглощали все железо дедиловских металлургов»¹.

В источниках, исходивших из рядов позднейших тульских оружейников (а на этом основании и в исторических работах), 1595 (7103) год фигурирует в качестве начальной даты в истории знаменитой слободы в Туле и связывается со строительством тульского посада при Борисе Годунове. В ответ на челобитье тульских кузнецов о поселении их «особой» слободой, на условиях оброка, последовало распоряжение: кузнецов устроить на Туле «за острогом особой слободой», чтобы, кроме них, никто там не жил². Челобитье кузнецов было

¹ Б. А. Колчин. Обработка железа в Московском государстве в XVI в. — «Материалы и исследования по археологии СССР», 1949, № 12, стр. 201.

² ЦГАДА, ф. 396 (Архив Оружейной палаты), стб. 48470, состав 12. В изложении царской грамоты у И. Гамеля имеется добавление: «на казенной оброчной земле» (И. Гамель. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М., 1826, стр. 27). Отсюда, видимо, оброчные кузнецы стали иногда называться «казенными», хотя по положению это была другая категория ремесленников.

связано, а возможно, и вызвано происходившим в том же году «строением» тульского посада, осуществлявшимся «осадным головою» Семеном Ивашкиным и «строильщиком» Михаилом Молчановым³. В том же документе отмечено, что «по строельным книгам» С. Ивашкина в 1595 г. 30 кузнецов были «устроены» на оброке по 10 руб. в год с освобождением от тягла, податей и служб, очевидно, в том числе и от выполнения специальных заказов на кузнечные работы (они не упоминаются). Но кузнецы были поселены не «за острогом», а за рекой Упой, где, вероятно, они жили и раньше; во всяком случае, по некоторым данным, там была слобода, «что исстари называлась кузнецкой»⁴. Таковы исходные данные, довольно обычные для устройства городских кузнецов в XVI в. Как правило, кузницы, а вместе с ними и их владельцы находились на окраине посада, и не разбросанно, а на одной территории, близко к реке⁵.

Обычным явлением было и то, что кузницы были на оброке, как и прочие промышленные статьи: соляные варницы, мельницы и др.

Из кого были набраны «оброчные» кузнецы? Ответ на это дают сами заинтересованные лица. Вспоминая в своих многочисленных челобитных в период упорной борьбы с привилегированной слободой в начальный момент ее устройства, посадские люди Тулы не раз подчеркивали, что «из них же де посадских людей по ремеслу взято в казенные кузнецы». Объясняли они это обстоятельство и более пространно: «В прошлых де годах деды и отцы их жили на Туле на посаде и многие промыслиали кузнечным мастерством, и они де многие тое работу работают. И в прошлых де годах от дедов и от отцов их дети и братья и племянники взяты в самопальные мастера»⁶.

³ ЦГАДА, ф. 396, стб. 37847.

⁴ В. Н. Ашурков. Тульские оружейники и их классовая борьба в XVII—1-й четверти XIX века. Тула, 1947, стр. 19.

⁵ См., например, ЦГАДА, ф. 137 (Городовые книги по Устюгу Великому), № 1, лл. 218—219 об.

⁶ Из следующих слов явствует, что это было сделано по указу Федора Ивановича, а именно, что 30 человек были устроены «за острогом». Очевидно, имеется в виду Оброчная слобода, а не Оружейная, но и в памяти посадских людей эти два обстоятельства, отделенные друг от друга 30 годами, утратили ясность и последовательность (ЦГАДА, ф. 396, стб. 48470, сев. 37).

В этом свидетельстве интересны два момента: указание на распространенность кузнечного промысла в Туле (двукратное употребление слова «многие») и на то, что взято было младшее поколение, так что старшее осталось на положении посадских кузнецов. Следовательно, численность тульских кузнецов в 1590-х годах превышала три десятка.

Чтобы закончить с вопросом об образовании в Туле особой Оброчной слободы кузнецов, выделенных из состава посадских ремесленников, скажем, что указ об их обособлении фактически не был выполнен теми, кто добивался этого. Родственники и младшее поколение дворов себе «за острогом» не строили и жили по свойству, — объясняли позднее посадские люди⁷. Видимо, интерес заключался не в том, чтобы жить территориально вместе, а чтобы получить «особую слободу», т. е. количеством записанных за ней кузнецов, привилегии и оказаться в особом положении оброчников. Это и было получено, с чем не хотели, как увидим ниже, мириться посадские люди, смежное же житье лишь обостряло взаимоотношения.

Тяжкие события последующих полутора десятилетий, дорого стоившие русскому народу вообще и непосредственно коснувшиеся Тулы, должны были нарушить прежние порядки и прежнее расселение ее жителей. Рубеж XVI—XVII вв. сопровождался почти катастрофическим разорением края, особенно самой Тулы (осада 1607 г. и разгром в 1615 г. отрядами Лисовского). Еще до этого разгрома сборщик податей и оброков с Тулы и уезда на 1612/13 г. Григорий Руков оказался в затруднительном положении: с торговых мест вместо 45 руб. 25 алт. 1 ден. он смог собрать только 17 руб. 50 коп. Когда же он спросил платежные книги с уезда, «почему они плачивали наперед сего», ему дали только писцовую книгу 1588/89 г., в которой не значился дворовый оброк⁸. Через 10 лет после разорения, в 1625 г., по дозору Война Крапоткина, на посаде «в живущем» было 153 двора да «бедных» посадских людей, которые «кормятся по миру», — 62 двора; до разорения было 250 дворов⁹.

С наступлением нового царствования в Москву из Тулы посыпались жалобы и челобитные. В это время правитель-

⁷ Там же.

⁸ Там же, стб. 37942.

⁹ «Чтения ОИДР», 1913, кн. 4, стр. 495.

ство, нуждаясь в оружии и испытывая большие денежные затруднения для его приобретения, стало активнее использовать тульских мастеров.

Но когда же в Туле началось изготовление огнестрельного оружия и появились казенные оружейники?

В приводившемся выше изложении грамоты 1595 г. «об-рочные» кузнецы не названы оружейниками, хотя в позднейших документах имеется как бы вставка о том, что выделение кузнецов в особую слободу было сделано «для их государевых оружейных дел»¹⁰.

Однако уже в XVI в. заказы на изготовление (во всяком случае частей) оружия выполнялись тульскими кузнецами. Из царской грамоты 1614 г. на имя тульского воеводы Плещеева узнаем, что в Москву жаловалось на посадских людей Тулы второе поколение — «ложешных мастеров дети» (в этой грамоте они называются «записными»): «А ныне де тех записных мастеров то оружейное дело — ложки делают они» — их дети¹¹.

Первое поколение мастеров, несомненно, захватило в какой-то степени XVI в. И еще одно показание. В грамоте 1619 г. недавно образовавшегося правительства на Тулу воеводе Михаилу Катыреву-Ростовскому, по челобитью тульских кузнецов Федота Федосеева «с товарищи» (25 человек) предписывалось разыскать «старые грамоты», свидетельствующие о том, что они не тяглые, «а делали одно самопальное дело»¹².

Нашлись ли «старые», т. е. XVI в., грамоты и чем кончилась проверка относительно «самопального дела» в то время (как увидим, оно стало постоянной повинностью бывших «оброчников» позднее), неизвестно, но и сами кузнецы признавались, что во всяком случае до установления нового правительства «казенное дело было им временное, а ныне де делают они казенные самопалы десятой год», т. е. с 1612/13 г., так как писали они об этом в 1622 г.¹³

Действительно, первые сведения о правительственном заказе на 100 затинных пищалей с «свицкими замки и к ним зделати стапки» относятся к январю 1612 г.¹⁴ При этом в грамоте от 17 января на имя воеводы Мирона Вельяминова подробно излагались условия заказа. По получении грамоты следует у тульских кузнецов взять смету, «сколько на те затинные на сто пищалей и на замки надобно железа». Железо же и уклад взять в Туле на посаде и в Павшине «у всяких у торговых людей», оценив его «пред собою старостам и целовальникам по тамошней по средней цене».

В качестве уполномоченных правительства «для тово пищальнова дела» были отправлены в Тулу Иван Крюков и Нелюб Юрнов (без звания) и с ними двое специалистов: «пушечный кузнец да пушкарь», очевидно, с Московского пушечного двора; как видим, заказ был не на легкое оружие, а на артиллерию того времени. Пищали делали «тульским кузнецам и ярыгам» или, по выражению той же грамоты, «кузнецам и деловцам-казаком» с уплатой поденного корма: первым — по 8 денег, а вторым — по 5 денег на день. Все расходы записывать в книгу и прислать последнюю в Москву.

Подробности наказа воеводе свидетельствуют о заказе как о чем-то новом или во всяком случае возобновляемом после какого-то перерыва, который и был, видимо, перед тем. Ясно также, что в начале XVII в. заказывалось не легкое оружие, а крупные крепостные («затинные») орудия, изготовление которых требовало подсобных работников — «деловцов-казак». Кстати, если для конца XVI—начала XVII в. в документах по Туле не встречаются молотники, то по переписи 1588/89 г. было учтено 11 казаков и 1 «ерыжный»¹⁵; их труд могли использовать кузнецы. Но, пожалуй, самое интересное то, что в этом документе говорится просто о «кузнецах» без всякого упоминания о казенных и оброчниках. За годы «смуты» многое забылось; в правительственных учреждениях появились новые люди, возможно, не знавшие и не хотевшие знать о том, что было при Годунове.

Это подтверждается сведениями о следующем заказе 1613/14 г. Тульские кузнецы, очевидно, справились с заказом на 100 пищалей, и теперь им предписывалось сделать

¹⁰ ЦГАДА, ф. 396, стб. 48470, сстав 6.

¹¹ Там же, стб. 37935. Думаю, что название «записные» произошло от того, что при образовании особой слободы в 1595 г. было велено каждому из вошедших в ее состав кузнецов записать за тем местом, которое ему будет отведено.

¹² Там же, ф. 396, стб. 48470, сстав 13.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, стб. 36, лл. 3—5.
¹⁵ Н. Д. Чечулин. Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889, стр. 304.

в три раза больше, при этом уточнялось: «казенными и тульскими посадскими кузнецами»¹⁶, оброчники не упоминаются.

В 1616 г. жители Заупской слободы — «тульские посадские молодичи людиска», среди которых, возможно, были оброчные кузнецы, жившие за рекой Упой, — попробовали напомнить о себе в новых высших сферах. Но свою челобитную они адресовали не молодому царю, а его матери — «великой старицы иноки Марфе Ивановой», возможно, рассчитывая, что она могла знать прошлое или знала людей, которые могли сказать ей о нем.

Указав на то, что, живя «от острога и от города Тулы далече», они дважды подверглись разорению и поэтому не могут «с острожными посадскими людьми с неразоренными» тянуть в податях в ряд, они просили облегчить их положение. «Старица Марфа» не оставила без внимания жалобу и велела, по словам челобитчиков, дать им «бережальную» грамоту, чтобы им податей, «опричь государевых оброков», не платить и чтобы к ним в слободу «насильством» никто не въезжал «ни по что»¹⁷.

Видимо, по приказу «государевой матери» кто-то разыскал старые документы об освобождении от тягла 30 оброчных кузнецов, поселившихся за Упой. Тогда и началась борьба с посадскими людьми Тулы, донесшими со своей стороны, что челобитчики — «лутшие» люди, которые должны нести повинности с посадскими людьми.

Между тем казенные заказы на изготовление пищалей продолжали выполняться (в 1617 г. — 200 пищалей), так что в 1619 г. кузнецы-оброчники писали, что они делают «самопальное дело день и ночь беспрестанно» (хотя, видимо, в это время не только они занимались этим) и просили освободить их от тягла, в котором они «наперед сего не были»¹⁸. Последние слова свидетельствуют о том, что челобитчиками были действительно оброчные кузнецы. К тому времени среди тульских кузнецов, регулярно занимавшихся изготовлением пищалей, наметились особые специальности: ствольники, замочники, ложечники, в их сложном деле выявлялось разделение труда. Но они работали по домам или, вернее, в своих кузницах и не на рынок, а на военное ведомство, т. е. если

можно назвать это производство мануфактурой, то в рассеянной форме и не являвшейся товарным производством в прямом смысле слова.

Казенные заказы, как и в Устюжне Железопольской, способствовали распространению в Туле и ее районе железнотопительной промышленности. За 10 лет, с середины второго до середины третьего десятилетия XVII в., общее число кузниц с 10 увеличилось до 33, а еще через пять лет (в 1632 г.) их было 44¹⁹. Этому способствовали также прекращение военных действий и смут и установление благоприятных условий для развития экономики вообще.

Как же менялось число кузнецов в Туле и кто из них работал на казну?

По переписи 1625 г.²⁰, в Туле было две кузнецкие слободы за Упою, причем в заголовке к переписи одной значится: «дворы посадских людей», всего 30 дворов. Из них только о хозяевах шести дворов сказано «делает в кузнице» и соответственно несет тягло (кроме одного); о пяти, что они «ярыжничают в кузнице от бедности», и еще о двух, что они вообще «наймуются работать»; владельцы 13 дворов занимаются торговлей или разным ремеслом, три двора пустых — ушли «от податей». Итак, в этой слободе смешанное по занятиям население с некоторым преобладанием людей, по-разному связанных с кузнечным делом.

Иначе обстояло дело в Заупской кузнечной слободе, в заголовке к переписи которой сказано: «За рекою Упою слобода оброчных кузнецов». В ней всего было переписано 14 дворов оброчных кузнецов, 15-й, находившийся на «оброчном кузнечном месте», принадлежал посадскому человеку и в итог не попал. В конце переписи имеется фраза: «Оброк платят в государеву казну, в Володимерской приказ по 10 рублей в год». Таким образом, эти конкретные сведения отделяются 30 годами от времени образования оброчной слободы (1595 г.). За это время число кузнецов-оброчников в слободе уменьшилось, оброк же оставался прежний; они платили его по 1628/29 г. включительно, но с пропусками:

¹⁹ В. Н. К а ш и н. Тульская оружейная слобода в XVII в. — «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 1-2, стр. 121.

²⁰ ЦГАДА, ф. 141 (Приказные дела старых лет), 1625 г., л. 35. Дело указано мне Г. Н. Анипиловым, за что приношу ему благодарность.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 396, стб. 37762.

¹⁷ Там же, стб. 37902, л. 11.

¹⁸ Там же.

так, в «приходных книгах» за 1626 и 1628 гг. было отмечено: «Взяты не подписано»²¹. Возникает вопрос, не зачитывались ли оброк в причитавшуюся им наемную плату за участие в правительственных заказах, которые они выполняли вместе с посадскими кузнецами. Но в конце той же писцовой книги 1625 г. имеется еще одна более поздняя запись, определявшая дальнейшее положение оброчных кузнецов: «Да в приходной же книге 138 году написано: с кузнецов оброку против 137 году 10 рублей и 138 году декабря в 14 день в памяти за прописью дьяка Ивана Нестерова — по государеву указу на Туле тульским оброчным кузнецам, которые живут на оброчной земле, велено быть на Туле в государевых казенных самопальных мастерах и ведать их в Стрелецком приказе и оброчные деньги велено с них сложить»²².

Таким образом, 14 декабря 1629 г. была образована тульская казенная Оружейная слобода из бывшей оброчной кузнецкой²³. Между тем указ должен был окончательно выделить часть тульских кузнецов из посадской среды и оторвать их от работы на рядового заказчика и на рынок. Крупные правительственные заказы отныне становились их постоянным делом тем более, что обычно они требовали спешного

²¹ ЦГАДА, ф. 141 (Приказные дела старых лет), 1625 г., д. 35, л. 6 об.

²² Там же. На эту перепись и на приведенное выше постановление ссылались позднее посадские люди Тулы (ЦГАДА, ф. 396, стб. 48470, сстав 27).

²³ В упомянутой статье Кашина этот момент перехода «оброчников» в «казенных оружейников» прошел незамеченным. Говоря о чело- битных 1619 и 1622 гг., автор статьи называет их казенными, а оброчную слободу — «казенной кузнецкой или Оружейной слободой» (В. Н. Каши. Указ. соч., стр. 122, 123), хотя до декабря 1629 г. последней в Туле не было. Ашурков в специальной работе «Тульские оружейники и их классовая борьба в XVII—1-й четверти XIX века» на основании данных в книге И. Сахарова «История общественного образования Тульской губернии» (ч. 1. М., 1832) и Ю. Арсеньева «К истории Оружейного приказа XVII в.» (СПб., 1904) не только не отмечает превращения «отводной» оброчной слободы в казенную Оружейную, освобожденную от оброка, но допускает неточность в истории слободы конца XVI—начала XVII в. «Наряду с этими оброчными кузнецами, устроенными в 1595 г. особой слободой, немало кузнецов продолжало оставаться среди посадского люда. Именно из этих посадских кузнецов неизвестно точно когда («в прошлых годах», как указывали потом они сами) некоторые были «взяты по ремеслу из посаду в самопальные мастера» (стр. 19). Теперь мы знаем, что 30 человек были переведены «по ремеслу» в оброчных кузнецов в 1595 г., а в конце 1629 г. последние были переведены в «казенных» оружейников или самопальных мастеров.

выполнения. В связи с этим численность оружейников систематически увеличивалась:

1642 г. —	75 человек да детей и племянников —	77
1669 » —	94 человека » » » »	201
1679 » —	122 » » » »	Нет сведений
1694 » —	194 » » » »	102 ²⁴

Я сознательно взяла сведения на эти четыре даты, хотя в материалах и литературе встречаются данные о численности казенных оружейников за промежуточные годы, во-первых, потому, что эти сведения приводятся в одном источнике, во-вторых, здесь, кроме одного года, отдельно даются основные работники — мастера и их домочадцы мужского пола. Последние могли быть помощниками на основе семейной кооперации тем более, что обычно указывались сыновья, братья, племянники от 20 лет, т. е. вполне работоспособные, поэтому можно сказать, что в 1640-х годах казенное дело могли выполнять 150 человек, через 25 лет — около 300, эта цифра удерживается до конца XVII в.

Теперь обратимся к другой части кузнецов, работавших «на всяких чинов людей» и на рынок. Количественные изменения, происходившие здесь, к сожалению, определяются в других единицах, а именно числом кузниц, а не кузнецов. Мы уже знаем, что в 1625 г. на посаде было 33 кузницы; к середине века число их увеличилось до 50, а во второй половине XVII в. — до 60—65²⁵. Таким образом, если число казенных мастеров с 1630 по 1680 г. увеличилось в 4 раза, число кузниц вольных кузнецов (число последних неизвестно) с 1625 г. возросло всего вдвое. Но мы не можем назвать их посадскими кузницами, так как в Туле, как и в любом из городов, где было много мелкого служилого люда, представители последнего занимались наряду с посадскими людьми торговлей и промыслами. Так было и с кузницами: в 1625 г. половина их (17) принадлежала «ратным людям», 7 — крестьянам, посадским же только 1, остальные — неизвестно кому. И в середине XVII в. кузницами владели «всяких чинов люди»²⁶. Но в экономическом положении, в смысле отношения к кузнечному непривилегирован-

²⁴ ЦГАДА, ф. 396, стб. 48470, сставы 2—3, 11, 15.

²⁵ В. Н. Каши. Указ. соч., стр. 121—122.

²⁶ Там же.

ному ремеслу, они вместе противостояли «казенным» мастерам, пользовавшимся разными льготами. Поэтому я думаю, что в борьбе этих двух групп кузнецов под названием «посадских кузнецов» выступали владельцы кузниц из разных чинов, в таком понимании название «посадские» и употребляется в дальнейшем тексте.

Тульские кузнецы «разного звания» (т. е. и посадские, и оброчные, так как последние не были еще государевыми оружейниками) в 1620-х годах работали не только на местный, но и на довольно отдаленные рынки, например Курск. В Курской таможенной книге 1623/24 г.²⁷ с 23 декабря по 22 апреля зарегистрирована 21 явка железного товара, из них 10 принадлежали тулянам, 8 — ельчанам, 2 — чернянам и 1 — «меченину». Железо привозилось обычно в виде полуфабриката — связками, т. е. прутовое, реже — уклад, в отдельных случаях в больших количествах. Так, 30 февраля «туленин» Алексей Жданов привез железный товар на трех возах и один воз соломы, 21 марта он же на четырех возах 30 связок железа, 28 связок уклада и 2 кипы хмеля; «туленин» Селиван Сазыкин 22 декабря явил небольшое количество: 10 связок железа и 8 связок уклада, 8 марта он привез разного товара в Курск на пяти возах, в том числе 30 связок железа и 20 связок уклада, остальное соль и хмель. Наконец, в конце марта он же сделал третью поездку в Курск только с железом: 40 связок железа и 50 связок уклада. Остальные явки Прокофья Неустроева (50 связок железа), Астафья Потапова (4 воза соли и 20 связок железа), Петра Яковлева (3 связки железа, 3 воза соли, 3 кипы хмеля, 3 осетра), Лукьяна Душкина, привезшего в Курск на пяти возах соль, хмель, 24 связки железа, и единственный из тулян — готовые изделия хозяйственного назначения: 20 сковород и 20 сох; Петра Клевцова (3 воза соли, 3 кипы хмеля, 8 белужин и воз железа — 20 связок). Несомненно, что Алексей Жданов и Селиван Сазыкин были торговцами-скупщиками и довольно крупными; по количеству же железа и составу других товаров то же самое можно сказать о пяти других.

Где производилась скупка железа, в самой Туле или в уезде, сказать трудно, эпитет «тулянин» ничего не говорит, как и «сельчанин»; известно, что добычей и обработкой железа

занимались не в самом Ельце, а в Елецкой провинции. Такие деревенские товары, как солома, хмель, могли скупаться и на городском торгу. В Тульском же уезде были крупные села, где крестьяне занимались кузнечным промыслом; о Павшине уже упоминалось выше; известно также, что в первой половине XVII в. оживленная добыча руды и, несомненно, ее обработка сосредоточивались в селе Панине Дедиловского уезда. Здесь с крестьянских домиц по окладу собиралось по полуполтине, всего же 14 руб. 7 алт., следовательно, было не менее 60 таких оброчных объектов²⁸.

Конечно, постройка железных заводов в 1630-х годах, которые работали на лучших дедиловских рудах (к ним были отданы «рвы», где до того рыли крестьяне), подтачивала мелкую местную крестьянскую да и городскую промышленность. Пример тому — село Панино, недоимку с которого во второй половине XVII в. его владелец кн. И. Голицын объяснял запустением примерно с середины века крестьянских промыслов вследствие того, что лучшие рудные места отданы к заводам Марселиса, а в других руда «иссякла»²⁹. Из-за этого же обстоятельства «промыслу не стало» не только у крестьян, но также у «посадских и всяких чинов людей» города Дедилова³⁰.

Тем не менее крестьянская промышленность Тульского края не замерла совершенно. Если не под самым Дедиловом, то в разных местах Тульского и Алексинского уездов крестьянские домицы и в меньшем числе «железцовые кузницы» сохранялись до 1720-х годов³¹. Сохранялась, следовательно, и железоделательная крестьянская промышленность вопреки конкуренции заводов и даже в ущерб им, о чем свидетельствует Кильбургер в 1670-х годах: «Ни на одном из тех заводов, — пишет Кильбургер о заводах Марселиса и Акемы, — не делается стали, но в разных местах крестьяне делают и то, и другое — железо и сталь (т. е. уклад. — Е. З.) маленькими ручными раздувальными мехами и причиняют тем значительный ущерб Марселису и Акеме»; по этой причине они и решили «прекратить выделку гвоздильного про-

²⁸ «Дополнения к Актам историческим», т. 7, № 43, стр. 228—229.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ «Крепостная мануфактура в России», ч. 1. Л., 1930, стр. 186—187.

²⁷ ЦГАДА, ф. 210 (Разрядный приказ), Книги Денежного двора. № 79, лл. 3—135 об.

изводства» — крестьянин может сделать гвозди дешевле³². Это свидетельство иностранца интересно как прямое указание на крестьянскую промышленность, вырабатывающую полужабуху и готовые изделия, как увидим ниже, не только гвозди, на причину ее живучести и конкурентоспособности — дешевизну изделий, которая была важнейшим аргументом за нее в глазах массового покупателя города и деревни особенно.

По той же причине не замирала работа на рынок кузнецов самой Тулы, даже в части привилегированных оружейников. О посадских кузнецах сведений почти не встречается, их заслонила Оружейная слобода, но отдельные детали говорят о том, что рынок оказался сильнее царских привилегий, которых сначала добивалась и добилась часть, вероятно, более сильных кузнецов. Кстати, уже в первой половине XVII в. среди них встречаются фамилии Баташевых, Мосоловых, Филатовых. О стремлении явочным порядком проникнуть в привилегированную, но территориально не отмежеванную слободу оставшихся на посаде кузнецов свидетельствуют увеличение числа самопальных мастеров (с 26 человек в 1630 г. до 75 в 1642 г.) и сыск в 1641 г. в Оружейной слободе «тулян посадских людей». Интересно, что за них вступился староста оружейников Ефим Баташев как за самопальных мастеров, когда сыщик, имея, очевидно, основания, посадил нескольких человек в тюрьму. Другие же перебежчики, по словам того же старосты, «разбежались». Активность сыщика Петра Чихачева вызвала тревогу в Москве. Перед тем был дан новый большой заказ на изготовление 1 тыс. пищалей. Арестованных было велено выпустить из тюрьмы, а вперед «не волочить и не убытчить» оружейников³³. Постоянная и возрастающая нужда в оружии заставляла московские власти смотреть сквозь пальцы на пути, которыми пополнялось население слободы. Оружейники же при все возрастающих заказах также не были против пополнения людьми, знающими кузнечное производство, особенно с тех пор, как восстановление и развитие торговли и промышленности в общих масштабах страны создавали выгодную конъюнктуру для работы на рынок. Уже в конце 1650-х годов 15 казенных кузнецов «вышли в посад самовольством»³⁴, где посадские

кузнецы находили теперь и заказчиков, и покупателей; «И всяких чинов люди покупают [у них] кричное и жуковое железо», — жаловались оружейники, так что из-за этого они не могут покупать уголь, из-за чего происходит «мочанье и поруха» оружейному делу³⁵. Но не забота о последнем вызвала эти жалобы, а скорее зависть и желание так или иначе пристроиться к свободной торговле и промыслу.

Правительство отвечало на это частыми переписями казенных кузнецов, требованием выслать из слободы посадских людей, а сюда переселить тех, кто вышел из нее, чтобы это была и территориально замкнутая, закрепленная за военным ведомством производственная организация. В 1678 г. по царскому указу оружейничий Б. М. Хитрово приказал кузнецов-оружейников, которые «вышли из кузнецкие слободы волею своею, не хотя государевых оружейных дел делать», «вывести в Кузнецкую слободу на старые их жеребьи», а посадских людей вывести в посад³⁶. С 1671 г. увеличилась производственная нагрузка до 2 тыс. пищалей в год. Кузнецы получали за пищаль (очевидно, за работу) по 22 алт. 2 деньги³⁷, а в это время в слободе числилось свыше 90 мастеров и вдвое больше — родственников мужского пола. Тем не менее более «прожиточные» находили способ заняться более прибыльным делом. При переписи 1669 г. обнаружилось, что больше половины ствольных заварщиков «ружье делают наймом», а не сами. Последовавшие требования работу выполнять самим, а не наймом кузнецы пытались обойти, объясняя, что нанимают те, кто «очми обнищали и руками одряхлели и оружейного дела делать не видят»; сами же они «сидят в лавках для своего прокормления»³⁸. Но посадские не унимались. Они доказывали в своих челобитных, что не слепые и дряхлые, а богатые не хотят и не умеют делать оружия, а они — «самые пожиточные люди» и владеют «лучшими лавками». Таких оказалось 12 человек во главе со старостой Андреем Володимировым: им принадлежало 27 лавок и 2 харчевни; они торговали в рядах со своими детьми всяким «скупым товаром»: рыбой, солью, ножами, харчем. Это настоящие торговцы и скупщики, которые, окрепнув в положении приви-

³² Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915, стр. 169.

³³ ЦГАДА, ф. 396, стб. 48470, сстав 14.

³⁴ Там же, сстав 5.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, сстав 6.

³⁷ И. Гамель. Указ. соч., стр. 29.

³⁸ ЦГАДА, ф. 396, стб. 48470, сстав 17.

легированных мастеров, отошли от профессии отцов и дедов, даже разучились оружейному мастерству, поэтому посадские считали, что они должны платить оброк и чрезвычайные сборы, уже не будучи ни посадскими, ни казенными мастерами фактически. Если же они не хотят платить, следует лавки отобрать и продать посадским людям, что соответствует требованиям Уложения 1649 г. Но верхушка Оружейной слободы с некоторым высокомерием объясняла «невежественность» ссылок на Уложение, по которым посадские «приличают их к городovým казенным кузнецам», а это не пример для них: «Оружейные де мастера ни в чем в Уложение не помянулись». Между тем во всех городах есть казенные плотники и кузнецы, о них и идет речь; оружейных же нет «опричь московских да их, тульских». Государева жалованья они не получают, а посадские клеветают, что они не выполняют государева дела. Но посадские и этот пункт оспаривали: «А великому государю в казну ружье платят они, покупаячи у своей братьи, у скудных людей, которые тем оружейным делом кормятца»³⁹. Взаимные пререкания и жалобы продолжались, и чтобы не страдало от этого государево дело, а число оружейников не уменьшалось, в начале 1680-х годов было разрешено «всякого рода людям, знающим кузнечное дело, записываться в оружейники» и жить в казенной слободе⁴⁰. Неясно только, единовременная это была мера для пополнения слободы или и на будущее; но во всяком случае в течение следующих 12—13 лет число мастеров достигло почти 200. Неизвестно также, как реагировали кузнецы, однако и эта мера не прекратила борьбы, и в 1693—1694 гг. для расследования на месте перекрестных обвинений из Оружейной палаты в Тулу был послан «оружейный дозорщик», иноземец Яков Якимов, чтобы при содействии кузнецов-старожилов он измерил и переписал «кузнечные места», относительно «пришлых» разузнал, что они, откуда и знают ли оружейное дело (среди них, наверное, были кузнецы с посада), а об оружейниках — кто делает государево дело сам, а кто «наймом».

К сожалению, в «деле» не имеется полного обследования Якова Якимова, а лишь выборки из него. Оказалось, что из

98 дворов ствольных и замочных мастеров в 54 делают ружье сами 79 человек, да еще в 15 дворах — замочники. «Заварщики же делают ружье наймом, а сами промышляют торговым промыслом, а иные делают батожное железо и уклад на продажу», последних оказалось 46 человек в 32 дворах⁴¹. Эти мастера считают выгоднее нанять, очевидно, из «скудных», но знающих дело кузнецов, чтобы самим работать на рынок. Весьма знаменательное явление, свидетельствующее о разложении под влиянием рыночных отношений привилегированной ремесленной организации. Не доверять «дозорщику» нет основания, так как он скорее поддерживал кузнецов-оружейников (посадские челобитчики опротестовали эти сведения «за дружбою Яковлевою с кузнецами»).

Возможно поэтому в следующем году в Тулу был послан подполковник Зот Назимов с подьячим Максимом Даниловым, которые отмежевали территорию Оружейной слободы и выслали с нее живших здесь посадских. Те ушли, но дворов не очистили, так что 43 казенным кузнецам, жившим на посаде, некуда было селиться. В том же году начались новые споры.

Я остановилась на этой борьбе, так как в ней вскрывается то, что обычно отсутствует в официальных документах. Во-первых, в течение XVII в. Оружейная слобода на самом деле поглотила представителей посадского кузнечного ремесла, за счет которых она, вероятно, в первую очередь расширяла свой состав. Ни в одном эпизоде этой борьбы посадских вообще с оружейниками, ни в одном из пересказываемых документов второй половины века не промелькнуло упоминания о посадских кузнецах в Туле. Во-вторых, сами оружейники далеко не одинаковы по своим материальным возможностям: одни в упорной борьбе с посадом рассчитывали «на мочь свою и на многое богатство», это, по выражению одного из указов из Оружейной палаты, «кузнецы-старожилы, лучшие и знающие люди»⁴². В Москве не знают или не придают значения тому, что пишут посадские об этой верхушке, занявшейся другими, более доходными делами и уже разучившейся мастерству.

Правильность показаний «дозорщиков» подтверждается данными указов и «памятей», посылавшихся в 1698 г. из

³⁹ Изложение борьбы посадских с казенными мастерами дано на основании того же столбца № 48470.

⁴⁰ И. Гамель. Указ. соч., стр. 28.

⁴¹ ЦГАДА, ф. 396, стб. 48470, сставы 8—11.

⁴² Там же, сставы 20, 8.

Москвы в Тулу, в адрес «мастеровых людей тульской казенной слободы»... «которые сами тех оружейных дел делать навичны». Правительство, видимо, признало факт, что некоторые кузнецы, занявшись другим делом, переложили «из найму» свои обязательства на других, но оно не освобождало их от этих обязательств. Это видно из одной фразы царского указа от марта 1698 г. о Владимире Баташове (из семьи старожилов и «лучших» людей — в 1640 г. Ефим Баташов был старостой в Оружейной слободе), а именно: «Да на Володьке Баташове или на ком, по ево скаске, доведено из доимки 8 фузей, доправя, выслать к Москве»⁴³. Показательно, что другим, более крупным недоимщиком 215 фузейных стволов оказался не менее «знатный» оружейник — Исай Мосолов, его предок Ждан Федоров Мосолов значился в первом списке еще «оброчных» кузнецов 1625 г.⁴⁴ На Мосолове доправили 147 стволов, а в остальных 68 он привел вместо себя сына Терентия на правеж⁴⁵. Недоимки объяснялись, вероятно, тем, что тем временем эти выходцы «из мастерских из знатных людей» работали на сторону и на продажу. Правительство именно в 1690-х годах борется с этим явлением, повторяя в своих указах «с великим подкреплением», чтобы «никакова ружья и замков на сторону на продажу и на подряд не делали и не продавали и в отвоз никуда не возили и не продавали ж и на товары не меняли»⁴⁶.

Очевидно, обо всех этих формах сбыта оружия на широком всероссийском рынке были осведомлены в Оружейной палате; указы же, несмотря на «великое подкрепление», оставались бессильны, в чем признавалось само правительство в 1698 г., когда стало известно, что, несмотря на указы, «многие казенные кузнецы чинятся ослушны, плутуют, продают и в отвоз возят» — так властна была притягательная сила рынка и возможной прибыли: кузнецы продавали оружие «дорогою ценою», привозя его в Москву или «утаясь» сдавали в другие приказы по рыночной цене⁴⁷. Оставалось следовать законам рынка, став его конкурентом. В начале 1698 г. был дан указ изготовить сверх указных 2 тыс. фузей еще 2 тыс., но уже за плату, а именно по 1 руб. 6 алт. 4 ден.

за фузею. Но, постоянно нуждаясь в деньгах, правительство тотчас постаралось облегчить выплату получавшейся большой суммы выдачей «в зачет» этой суммы 900 «досок оружейных» по 18 алт. за пуд, не считаясь с интересами самих кузнецов⁴⁸. Тот же недостаток денег в казне заставлял изыскивать их на месте из таможенных и кабацких сборов, но староста оружейников в 1697 г. получил у одного головы 500 руб., у другого — 100 руб., а больше они денег не имели. В другой отписке от декабря 1697 г. староста Оружейной слободы Панкрат Горбунов сообщал, что на оплату нового заказа в 2 тыс. фузей таможенный голова дал только 100 руб., а кружечный ответил, что в этом году «денег не будет»⁴⁹. Деньги же были обещаны оружейникам «наперед», следовательно, может выйти задержка в изготовлении ружей.

Наконец, в тех же затруднительных обстоятельствах правительство предложило покупать у казенных кузнецов, у «кого ружье и замки сверх указного числа (2 тыс. фузей. — Е. З.) аделано будет влишке»; это оружие должны объявлять в Оружейной палате и получать за него деньги⁵⁰.

В Оружейную палату покупали и раньше у тульских кузнецов ружье, судя по описанию, особо отделанное; так, в январе 1695 г. было куплено у Антона Горбунова, родственника старосты, принадлежавшего к «лучшим» мастерам, 28 стволов, «гладких красного железа на турецкой образец... врезано по три пояска серебряных», заплачено по 2 руб. 50 коп. за ствол. В октябре того же года другой из семьи «старожилов» Савостьян Филиппов привез 8 стволов «в цену» по 2 руб.; в случае ненадобности он просил разрешить продать их «повольною ценою»⁵¹. Но, видимо, это бывало не так часто, и в Оружейной палате жаловались, что лишнего оружия не объявляют.

У нас нет прямых свидетельств о том, что, не внемля обращения правительства, кузнецы продавали оружие, но что они торговали в Москве железом, об этом говорят записи Большой московской таможни⁵². За четыре месяца 1694 г.

⁴³ Там же, стб. 33302, сстав 2.

⁴⁴ Там же, ф. 141, 1625 г., д. 35.

⁴⁵ Там же, ф. 396, стб. 33278.

⁴⁶ Там же, стб. 33302, л. 1.

⁴⁷ Там же, л. 2.

⁴⁸ Там же, стб. 33301, л. 1.

⁴⁹ Там же, стб. 33225.

⁵⁰ Там же, стб. 33302, лл. 1—2.

⁵¹ Там же, стб. 33762, лл. 1—2.

⁵² С. И. Сакович. Книги Московской большой таможни. 1693—1694 гг. — «Труды Государственного исторического музея», вып. 38. М., 1961, стр. 78, 95, 25.

было зарегистрировано девять явок железа из Тулы, при этом в пяти случаях это были явки казенных кузнецов, из них Парфен Иванов предъявлял товар трижды: 8 марта, 30 апреля и 11 мая. Все туляне, кроме одного случая, привозили железо в связках, т. е. прутовое, два раза отмечено, что «тянутое» (возможно, проволока), и измерялось оно в этих случаях пудами. Только тулянин Фотий Федоров явил 10 готовых наковален. Партии железа Парфена Иванова отличались значительными размерами: по 30, 38, 60 связок, казенный кузнец находил время для скупки и вряд ли в самой Туле. Обращает на себя внимание очень крупная явка тульского казенного кузнеца Якова Филатова, а именно: 100 связок «тульского каракулевого» и воз железа «тяги» (17 пудов) на общую сумму в размере 65 руб. «Филатов» — обычно отчество, но если бы на этот раз это была фамилия, нити невольно тянутся к той же переписной книге 1625 г., в которой среди «оборочных кузнецов» числился Антип Филатов⁵³. Никита Демидов ни разу не встречается в просмотренных мною материалах до конца XVII в. Но в списке оборочных кузнецов 1625 г. значится Владимир Антифеев, а в списке казенных кузнецов 1697 г. — Автамон и Никифор Антуфьевы⁵⁴. Думаю, что если нет ошибки в имени, то во всяком случае в том и другом тексте речь идет о представителях одной семьи, родственной Никите Демидовичу Антифееву. Известно предание, что Никита Демидов был родом из Павшина; В. Шишонко уточняет это сведение, сообщая (без указания на источник), что из Павшина в Тулу переселился его отец Демид Григорьевич Антуфьев, который был в числе тульских казенных кузнецов, а затем и его сын⁵⁵.

Из четырех тулян, зафиксированных в записях Большой московской таможни, кроме казенных кузнецов, один назван «тульским ямщиком»; чем занимались остальные, неизвестно. Один из них привез 22 связки железа, другой — 30 связок, третий — наковальни; они в одинаковой степени могли быть скупщиками железа у городских и деревенских кузнецов. Отсутствие в документах второй половины XVII в. упоминаний о посадских кузнецах в Туле говорит о том, что, работая

в качестве «скудных» на «знатных» оружейников, они утратили самостоятельный промысел или пополнили число казенных кузнецов, которое достигало в это время 200. Последние и представляли железнодорожную промышленность Тулы, ставшей действительно крупным центром оружейного производства на казну (Устюжна Железопольская с середины XVII в. перестает изготавливать военные припасы из-за плохого качества болотной руды). Значения же Тульской оружейной слободы не подорвало даже возникновение поблизости доменных и молотовых заводов, также работавших на военное ведомство. Однако это нельзя расценивать как показатель производственных возможностей и конкурентной способности мелкого производства. В естественный процесс становления металлургии в Туле очень рано вклинилась инициатива правительства в целях усиления обороны страны (прежде всего с юга). Организация мелких производителей, подпираемая правительственными заказами, льготами и привилегиями, быстро окрепла и использовала, особенно более сильная ее часть, местные условия — запасы руды и эксплуатацию беднейшей части населения — ярыжных и наймитов, а в дальнейшем также ранее самостоятельных кузнецов из более «скудных». Нет сведений, в каких количествах их труд использовался отдельными зажиточными оружейниками, но во всяком случае факты эксплуатации свидетельствуют о начавшемся перерастании части непосредственных производителей в «зародышевых капиталистов», сочетавших функции торговца и организатора мастерской, лично уже не работавшего и даже забывшего мастерство отцов и дедов. Последующая ступень, правда, в немногих случаях, — превращение Демидовых, Мосоловых, Баташевых, Ореховых в крупных заводчиков. Это вершина того пути, по которому в течение столетия продвигался непосредственный производитель из положения мелкого посадского кузнеца через «оборочника» (частично работавшего на рынок, частично на казну) в казенные оружейники, поднявшиеся по своему мастерству и доходности над рядовыми кузнецами, а затем и подчинившими их экономически.

Отметим также поощрение в виде правительственных заказов и следовавших за них вместо «государева жалованья» (хотя сдельная оплата труда имела место), привилегий, помогавших части тульских кузнецов пройти намеченный выше путь, становится затем стеснительным для поднявшихся на

⁵³ ЦГАДА, ф. 141, 1625 г., д. 35, л. 5.

⁵⁴ Там же, ф. 396, стб. 33278.

⁵⁵ В. Шишонко. Пермская летопись. Четвертый период с 1676—1682 гг. Пермь, 1884, стр. 145.

возможную вершину мастеров. И тогда казенные оружейники стараются разными путями — ставя в казну брак (рванные стволы) или становясь на правож в качестве недоимщиков — избавиться от ненужных уже заказов, чтобы обратиться лицом к рынку и, не таясь, воспользоваться повсеместным спросом на их изделия и таким путем превратиться из зародышевого в настоящего капиталиста.

Тот факт, что феодальное государство бессильно было положить этому конец своими указами и было вынуждено пойти на разные уступки и прежде всего на экономическую стимуляцию и денежные расчеты с оружейниками, показывает, что положение мастеровых уже в XVII в. нельзя сопоставлять с положением крестьян, утрачивавших без господской земли возможность существования.